

ЮРИЙ
СОТНИК

КАК Я БЫЛ

САМОСТОЯТЕЛЬНОМ

мальчишкам
и девочкам

Мальчишкам и девчонкам

Юрий Сотник

**Как я был
самостоятельным (сборник)**

«Росмэн»

2009

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сотник Ю. В.

Как я был самостоятельным (сборник) / Ю. В. Сотник —
«Росмэн», 2009 — (Мальчишкам и девчонкам)

ISBN 978-5-353-04028-6

В сборник вошли одни из самых известных рассказов русского писателя Юрия Сотника – «Как я был самостоятельным», «Ночью на кладбище» и другие. Герои Сотника – смелые и предприимчивые ребята, никогда не унывающие и готовые всегда прийти на помощь другу. В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-04028-6

© Сотник Ю. В., 2009
© Росмэн, 2009

Содержание

Как я был самостоятельным	8
Дрессировщики	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юрий Сотник

Как я был самостоятельным (сборник)

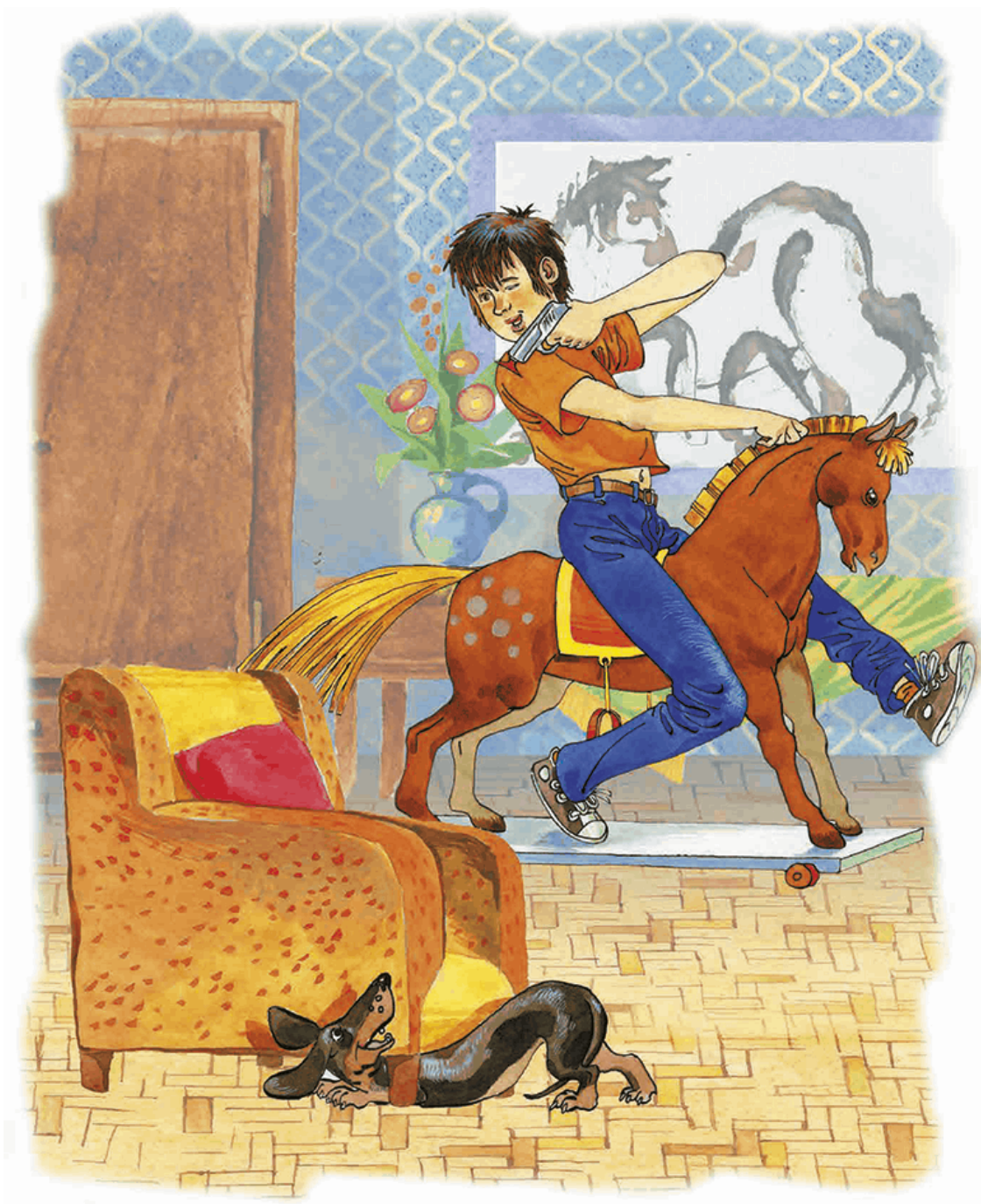
© Липатова Е. Г., текст, 2008

© ЗАО «Росмэн-Пресс», 2009

* * *

Как я был самостоятельным

День, когда я впервые почувствовал себя самостоятельным, врезался мне в память на всю жизнь. Я до сих пор вспоминаю о нем с содроганием.

Накануне вечером мама и папа сидели на лавочке у подъезда нашего большого нового дома и спорили.

– Парню одиннадцатый год! – сердито говорил папа. – Неужели он дня не может прожить самостоятельно? До каких же пор ему нянька будет нужна!

– Говори что хочешь, Михаил, а я знаю одно, – твердила мама, – если мы Лешку оставим здесь, для меня вся поездка будет испорчена. Тут даже соседей нет знакомых, чтобы присмотреть за ребенком. Я просто вся изведусь от беспокойства.

Решалась моя судьба на весь завтрашний день. Папин товарищ по работе, полковник Харитонов, пригласил родителей провести воскресенье у него на даче, но меня туда брать было нельзя, потому что сынишка Харитонova болел корью. Мама никогда не оставляла меня надолго одного: ей все казалось, что я еще маленький ребенок. В новом доме мы поселились всего неделю назад и ни с кем из соседей еще не познакомились, поэтому мама хотела «подбросить» меня на воскресенье к своей приятельнице, жившей на другом конце города. Папа возражал против этого, говоря, что неудобно беспокоить приятельницу и что пора приучать меня к самостоятельности.

Я стоял и слушал этот спор, от волнения выкручивая себе пальцы за спиной. Провести хотя бы один день без присмотра взрослых и так было моей давнишней мечтой, а теперь, когда мы переехали в новый дом, мне этого хотелось с удвоенной силой. Причиной тому была Аглая – смуглая темноглазая девчонка, известная как заводила среди здешних ребят. Эта Аглая мне очень нравилась, но я чувствовал, что она относится ко мне с пренебрежением, считая меня маленьким мальчиком, да к тому же маменькиным сынком. Мне казалось, что день, проведенный самостоятельным человеком, позволит мне возвыситься в ее глазах. К моему огорчению, Аглая находилась тут же, во дворе. Она прыгала на одной ноге, толкая перед собой камешек, слышала весь унижительный для меня разговор папы с мамой и время от времени вставляла, ни к кому не обращаясь:

– У! Я с шести лет одна дома оставалась, и то ничего! – Или: – У! Я сколько раз себе сама обед готовила, не то что разогрела.

Я косился на Аглаю и тихонько, но вкладывая в слова всю душу, убеждал:

– Ну мама! Ну мама же! Ну что со мной может случиться? Ну ты только послушай, как я буду жить: вы уедете, я пойду немножко погуляю...

– Дверь захлопнешь, а ключ оставишь дома...

– И вовсе нет! Я ключ еще вечером положу в карман... Значит, пойду погуляю...

– Тебе домашнюю работу надо делать, а не гулять. Скоро первое сентября, а ты и половины примеров не решил.

– Ой, мама, ну ладно! Я гулять не буду. Значит, вы уезжаете, я сажусь делать примеры, потом захотел есть – включаю газ...

– Еще с газом что-нибудь натворит, – пробормотала мама.

– У! Я давно уже газ... – начала было Аглая, но в этот момент прибежал Антошка Дудкин с большим листом бумаги в руках.

– Готово! Куда вешать? – сказал он Аглае, и они вдвоем прикрепили к парадному написанную чернилами афишу; она гласила, что завтра в пять часов вечера в клубе состоится спектакль пионерского драматического кружка. Представлена будет сказка «Иванушка-дурачок».

Наконец нам с папой удалось уговорить маму. Было решено, что родители уедут с шестичасовым поездом, а я встану, как обычно, в восемь, сам убегу квартиру, сам приготавливаю себе чай, сам накормлю и выведу погулять таксу Шумку, сам (то есть без понуканий) решу десять примеров и сам разогрею себе обед. Я был на седьмом небе. Для меня все это было так ново, так радостно, как иному мальчишке возможность пожить на необитаемом острове.

Весь вечер мама давала мне наставления. Ночью я долго не мог уснуть, а когда проснулся солнечным утром, в квартире стояла необычная тишина. Только Шумка, чесавшая себе за ухом, мягко постукивала лапой по полу.

Я был один! Я был полным хозяином квартиры! Я мог как угодно распоряжаться самим собой.

Я вскочил с постели и в одних трусах, уперев кулаки в бока, громко насвистывая какой-то марш, отправился обзирать свои владения.

Я тут же наметил себе огромную программу действий. Убирая квартиру, я не просто подмету паркетный пол, а заново натру его воском; я даже вычищу и повешу в шкаф папин старый мундир, оставленный им на спинке стула. Примеров я решу не десять, как мы с мамой уговорились, а все двадцать штук. Вечером, если папа с мамой задержатся, я разогрею для них ужин, заверну его в старое одеяло, как это иногда делала мама, а сам лягу спать, оставив на столе записку: «Котлеты и картошка горячие, в кухне на табурете». Словом, теперь мама узнает, как глупо было с ее стороны бояться оставить меня одного.

Я быстро оделся, умылся и собрался было вывести Шумку, которая уже скулила у двери, но тут меня осенила такая мысль: а что, если заодно пойти в магазин и купить чего-нибудь себе к завтраку? Ведь одно дело, когда в магазин тебя посылает мама, и совсем другое, когда ты сам захотел чего-нибудь, пошел и купил. Ради такого удовольствия не жалко было истратить трешку из пятнадцати рублей, скопленных на аквариум.

Хлеб, масло и колбаса у меня к чаю были. Подумав немного, я решил, что мне хочется сыру.

Через минуту, держа Шумку на поводке, я шел по двору, шел неторопливо, степенно, поглядывая на окна квартиры в первом этаже, где жила Аглая. Вдруг как раз из ее окна вылетела и шмякнулась к моим ногам дохлая ворона. Шумка тявкнула от неожиданности.

– А ну, чтоб духу вашего здесь больше не было! – послышался из окна сердитый женский голос. – Ишь нанесли всякой дряни! Репетировать им надо! На то клуб есть, чтобы репетировать, там и ходите на головах, а людям покой надо дать. Ну! Сколько раз мне говорить? Марш отсюда!

Вслед за этим из подъезда выскочил и подхватил на бегу ворону рыжий мальчишка с лицом, казалось, состоявшим из одних веснушек. За плечами у него в виде мантии болталось синее одеяло, на котором были нашиты узоры из серебряной бумаги от чая, на голове сидела корона, обклеенная той же бумагой.

За ним, прижимая к груди ворох цветных тряпок, выскочила такая же рыжая девчонка, за девчонкой – Антошка Дудкин, одетый как обычно, а за Антошкой выбежала Аглая. Я взглянул на нее, да так и застыл.

Аглая мне нравилась даже в самой затрапезной своей одежде, даже тогда, когда она выбегала во двор в старом материнском жакете, доходившем ей до колен, и в драных валенках на тонких ногах. А тут... тут она предстала предо мной в наряде сказочной принцессы. На ней было платье из марли, раскрашенной голубой, розовой и желтой красками; на шее блестело ожерелье из разноцветных стеклянных бус, какими украшают елки; два крупных шарика от этих бус болтались на ниточках под ушами, надо лбом в темных волосах блестела мохнатая елочная звезда, а две такие же звезды, но поменьше, украшали стоптанные тапочки.

Заглядевшись на эту красоту, я даже палец сунул в рот от восхищения. Пробегая мимо, Аглая едва кивнула мне, но вдруг остановилась и спросила через плечо:

– Ну что, уехали твои?

Я быстро вынул палец изо рта и сказал как можно небрежней:

– Конечно, уехали.

– И тебя одного оставили?

– Конечно, одного. Вот еще!.. Не знаешь, магазин открыт? Хочу сыру купить себе к завтраку.

– Открыт, – сказала Аглая, о чем-то думая. – Ты потом домой придешь?

– Ага. Вот только сыру куплю. Сыру чего-то захотелось.

– Эй! Идите-ка! – крикнула Аглая своим друзьям и, когда те подошли, обратилась ко мне: – Тебя Лешей зовут, да? Леша, можно мы к тебе придем? А то нам репетировать надо, а нас отовсюду гонят, и клуб закрыт... а ты один в квартире. Ладно?

– Пожалуйста, конечно! – обрадовался я. – Я вот только квартиру уберу, примеры сделаю, и приходите.

Лицо Аглаи стало каким-то скучным.

– У-у! Примеры! А тебя что, заставляют с утра заниматься? Меня, например, никто не заставляет. Когда хочу, тогда и занимаюсь.

– А меня разве заставляют? Меня вовсе никто и не заставляет, это я сам хотел, – заторопился я. – Пожалуйста! Хоть сейчас пойдёмте! Я и квартиру могу не убирать... Когда захочу, тогда и уберу. Пожалуйста! Шумка, домой!

Большими уверенными шагами я прошёл впереди артистов к своему подъезду, поднялся вместе с ними на второй этаж, открыл ключом дверь и широко распахнул ее.

– Пожалуйста! Вы в какой комнате хотите? В этой или в той? В какой хотите, в той и репетируйте. Пожалуйста!

Артисты прошли в большую комнату, служившую столовой и одновременно моей спальней. Я из кожи лез, чтобы показать, какой я независимый человек и гостеприимный хозяин.

– Аглая, ты не стесняйся, говори, что нужно. Стол мешает? Стол можно отодвинуть, и очень даже просто. Шумка, на место! Не путайся под ногами! Как нужно, так и сделаем, как захотим, так и устроим. Да, Аглая?

«Принцесса» разглядывала себя в большом зеркале, стоявшем у стены.

– У тебя губная помада есть? – спросила она.

– Помада? У! – воскликнул я, совсем как Аглая. – Я тебе не только помаду могу дать, я и пудру могу, и краску для бровей, и одеколон даже...

Удалившись в другую комнату, я взял там большую коробку с парфюмерным набором «Белая сирень», захватил еще коробочку с краской для бровей и притащил все это Аглае.

– Вот! Пожалуйста! Выбирай что хочешь. Очень даже просто!

Аглая напудрила себе лоб и нос, накрасила губы и подрумянила щеки. То же самое проделала Зина – рыжая девчонка, игравшая пожилую королеву. Кроме того, ей густо напудрили волосы, чтобы она казалась седой.

– Антошка! – сказала Аглая. – Давай теперь ты загримируйся. Знаешь, как артисты делают, чтобы красивей быть? На носу белую черту проводят, а под бровями розовой краской мажут. И губы тоже.

Но Дудкин, скрестив руки на груди, повесив голову, с угрюмым видом бродил по комнате.

– А ну тебя! «Загримируйся»! Мне козел покоя не дает, а ты – «загримируйся»...

– Какой козел? – спросил я.

Мне объяснили, что Дудкин играет Иванушку-дурачка и по ходу пьесы должен приехать к принцессе верхом на козле и с дохлой вороной в руках. Вот этим козлом, наскоро выпиленным из фанеры, Антошка был очень недоволен.

– Дохлую ворону и ту настоящую достали, а козла курам на смех сделали. Надо, чтобы он на четырех ногах был, чтобы я мог сесть на него и меня бы на нем за веревочку и втащили. А на фанерного разве сядешь! Волочи его между ног, а сам топай на своих на двоих. Публика только смеяться будет.

«Король» уныло кивнул:

– Ага. Я говорил Наталье Петровне, что надо другого козла, а она свое: мы, говорит, сказку ставим, а в сказке и фанерный сойдет.

Артисты замолчали в раздумье. Я тоже молчал и все поглядывал на Аглаю. Мне очень хотелось узнать, что она думает обо мне, убедилась ли наконец, что я человек, достойный ее внимания и уважения. Но Аглая не смотрела на меня. Как назло, она обратила внимание на стоявшего у кровати большого коня из папье-маше, на котором я еще недавно ездил верхом по квартире, гоняясь за Шумкой и стреляя в нее из жестяного пистолета.

– Это твой конь? – спросила она.

Я очень любил своего скакуна, относился к нему как к живому существу, но теперь я отрекся от него:

– Нет, не мой... То есть мой, но я в него уже давно не играю. Он просто так стоит. Что я, маленький, что ли!

Ковыряя в носу, «принцесса» задумчиво смотрела на коня.

– Антон! Вот бы из этой лошадки козла сделать... У нее даже колесики есть. Леша, одолжи нам этого коня. А?

– Конечно, одолжу! Пожалуйста! Что мне, жалко? Я в него вовсе и не играю... Он просто так стоит...

Присев на корточки, Дудкин внимательно осмотрел коня.

– Этот, факт, лучше фанерного, – сказал он. – А хвост куда девать?... Ты козлов с такими хвостами видела?

И тут я окончательно предал своего старого друга.

– А хвост... а хвост можно отрезать! – звенящим голосом выпалил я и завертел головой, глядя, какое это произведет на всех впечатление.

– Тебе от матери попадет, – пробасила Зинаида.

– Что? Попадет? Вот еще!.. «Попадет»! Это моя лошадь: что хочу, то и делаю. Сейчасотрежем, и все! И очень даже просто!

Я снова сбежал в другую комнату, вернулся оттуда с ножницами и присел перед конем. Через минуту пышный мочальный хвост лежал на полу, а я поднялся с мокрой от испарины спиной.

– Вот и все! Вот и пожалуйста! И ничего тут такого нет...

Сделать из лошади козла оказалось работой сложной и трудной. Мне пришлось искать, где у папы лежат плитки сухого столярного клея, потом толочь его, чтобы он быстрее размок, потом варить его в маленькой кастрюльке (подходящей банки в доме не оказалось).

Потом мы принялись делать рога. Сначала Аглая свернула из бумаги узенькие фунтики, и мы приклеили их к лошадиной голове, но Антошка сказал, что таких прямых рогов у козлов не бывает. Тогда мы стали делать их плоскими, вырезая из картона, и извели кучу всяких коробок от настольных игр, прежде чем Дудкину понравилась форма рогов.

Для бороды мы, конечно, использовали часть отрезанного мной хвоста, но и тут пришлось помучиться, потому что руки у нас были все в клею и мочалка больше прилипала к пальцам, чем к лошадиной морде. Когда борода была наконец готова, Дудкин заявил, что лошадь надо перекрасить из светло-коричневого в другой какой-нибудь цвет, хотя бы в белый. Зубной пасты оказалось мало, и Зина предложила покрасить мукой. Я достал муки, и мы разболтали ее в тазике, так что получилось нечто вроде теста для блинов.

Чем дольше мы работали, тем больше у меня скребли на сердце кошки, когда я смотрел на паркетный пол, заляпанный клеем, жидким тестом и облепленный кусочками мочалки.

Пробило два часа. «Королева» заторопилась:

– Васька, пойдем, обедать пора. Антон, кончай скорей. В пять часов спектакль, а мы и не репетировали сегодня из-за твоего козла.

Только теперь я вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего вечера. В животе у меня бурчало, в голове неприятно шумело.

Держа в левой руке тазик с тестом, а в правой – старую кисточку для бритья, Дудкин мазнул по коню еще разок, отошел шага на два и склонил голову набок. Потом он бросил кисточку в таз, а таз поставил на стол и вздохнул:

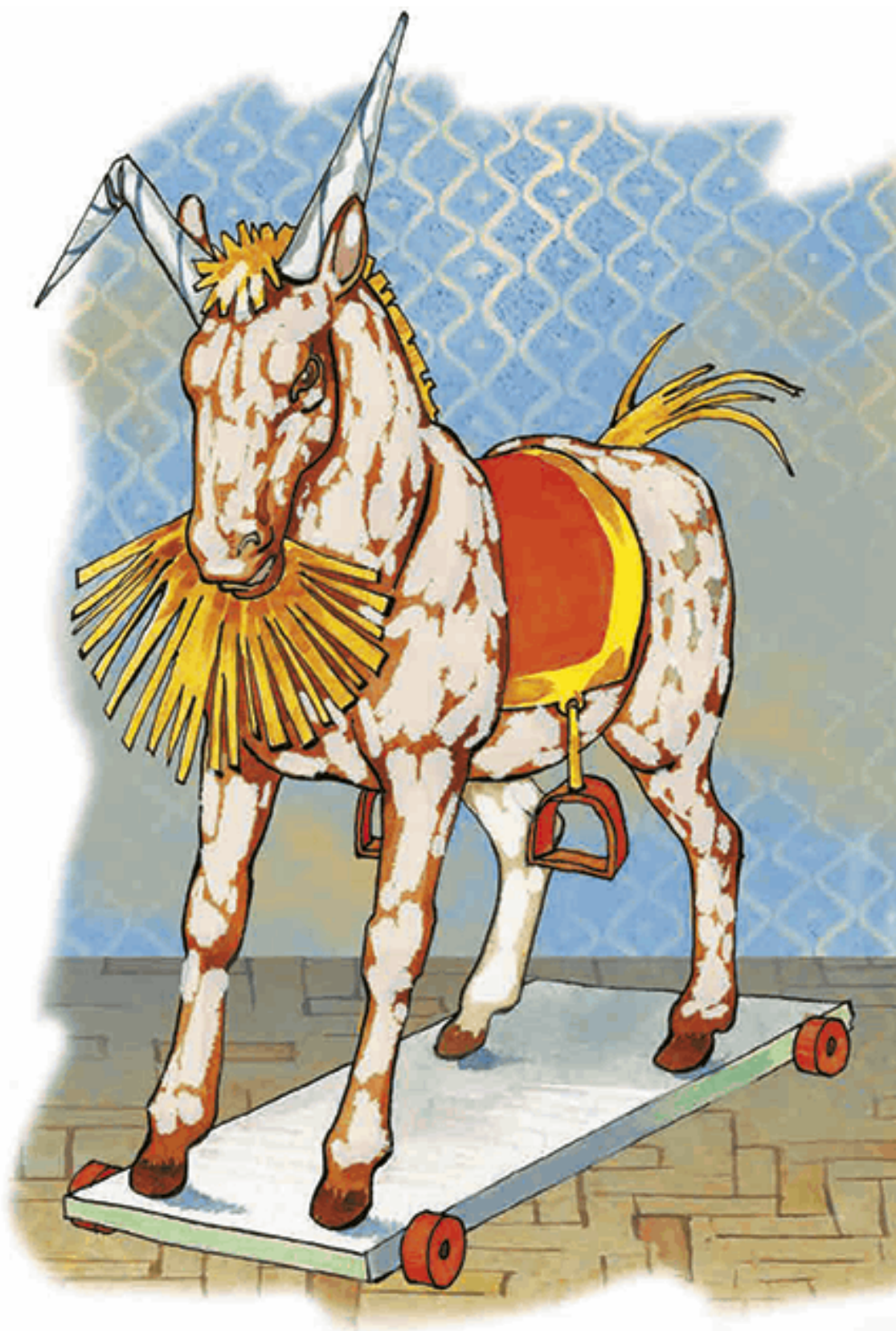
– Зря только коня испортили.

Аглая передернула плечами:

– У, какой-то ты!.. Тебе все плохо! Фанерный ему плох, этот плох...

– А по-твоему, хорош, да, хорош? – закричал Дудкин. – Ты посмотри на него: у тебя мурашки по спине не бегают? Ведь он на черта похож, с которого содрали шкуру, а ты – хорош!

Я не представлял себе, как выглядит черт без шкуры, но то существо, которое у нас получилось, и правда имело вид жутковатый.

Непросохшее тесто блестело скользким блеском, один картонный рог надломился и свесился набок, куций хвост, испачканный клеем, превратился в какую-то сосульку, а рыжая борода, наоборот, была слишком пышна и топорщилась во все стороны.

Как видно, и Аглае стало не по себе, потому что она больше не возражала Антону. На некоторое время в комнате воцарилось унылое молчание.

– Аглая! – закричали вдруг за окном сразу несколько голосов. – Эй, Аглая!

Дудкин!

– Мы здесь! – отозвалась Аглая, подбежав к окну.

– «Здесь! Здесь!» Мы вас два часа ищем. Ушли куда-то и не предупредили. Хотите спектакль сорвать?

– Идите сюда. Мы здесь репетируем, в двадцать второй. – Аглая отошла от окна. – Леша, поди открой, это еще артисты идут... Антошка, мы Сене Ласточкину козла покажем. Он староста кружка, пусть как хочет, так и решает.

Я открыл входную дверь, и в квартиру ввалились еще человек шесть ребят. Среди них выделялся плечистый мальчишка с самоуверенной физиономией.

– Сеня, гляди! – обратилась к нему Аглая. – Мы вот какого козла вместо фанерного сделали, а Дудкину и этот не нравится.

Мальчишка посмотрел на наше страшилище маленькими узкими глазами.

– Халтура! – проворчал он и добавил: – Я вам получше козла достану. Живого. Настоящего.

– Во! Настоящего! – обрадовались артисты. – Конечно, хорошо бы настоящего, только где ты его возьмешь?

– У моего дяди есть козел. В сарайчике живет. Только бодливый, черт!

– Это ничего, что бодливый, – сказал Дудкин. – Лишь бы дядя позволил взять.

– А мы его и спрашивать не будем. Потихоньку возьмем, а потом обратно... Вот где бы его спрятать до спектакля? А то дядя скоро вернется, тогда ничего не получится.

Все помолчали, обдумывая этот вопрос.

– В закоулке каком-нибудь привязать, и все.

– В закоулке украсть могут.

– Сторожить по очереди будем.

Сеня качнул головой:

– Не годится. Дядя увидит, что козла нет, и пойдет его искать по дворам и закоулкам. – Он помолчал. – У Юрки спрячем. Юра, у тебя отец с матерью по воскресеньям работают и квартира отдельная. В квартирах козлов не ищут.

Мальчик, которого звали Юрой, вытаращил на Сеню глаза:

– Ты что, с ума сошел? Ты знаешь, что мне за это будет!

На Юру напали со всех сторон:

– Не хочешь помочь товарищам, да?

– Вот Сеня наверняка знает, что от дяди попадет, а и то не боится для общего дела.

– Ругайтесь себе сколько хотите, – ответил Юра. – Я лучше из кружка совсем уйду, а козла в квартиру пускать не буду. У меня голова на плечах еще есть.

– А я знаю, где козла спрятать! – воскликнула Аглая. – Леша, мы к тебе его приведем. Хорошо?

Тут уж я оторопел. Я почувствовал, что козел в квартире, да еще почти что краденый, – это уж слишком.

– Я... ко мне козла...

У меня пересохло в горле, я поперхнулся. Аглая этим воспользовалась. Быстро поглядывая на меня, она заговорила с воодушевлением:

– К Леше поставим. Леша не такой нюня, как Юрка. Правда, Леша? Он мальчишка самостоятельный, не какой-нибудь маменькин сынок. Да, Леша? Мы к нему поставим козла в прихожую, и все пойдем обедать. Он часочка два всего постоит, а перед спектаклем заберем.

И никто даже ничего и не узнает. Леша, верно я говорю? Ты не забоишься, как Юрка, да, Леша?

– Я... мне...

Я снова запнулся. Все ждали моего ответа, ждала и Аглая. Она раскраснелась, маленькие черные глаза ее блестели, цветные зеркальные шарики покачивались под розовыми ушами. И я не смог отказаться. Я посмотрел на Юру, которому Аглая ставила меня в пример, и слегка расправил плечи:

– Я... Пожалуйста, конечно... Мне, конечно, ничего не стоит... Только... только он, наверное, будет кричать, а соседи...

– У! «Кричать»? Зачем ему кричать? А соседям ты не открывай. Это твоя квартира, ты хозяин, и пусть они не суются. – И, как видно испугавшись, что я пойду на попятный, Аглая снова принялась меня хвалить: – Ну, что я говорила? Говорила, что Леша не заботится, – он и не забоялся. Он не то что Юрка, он знаете какой отчаянный!

– Ладно! Пошли тогда, – сказал Сеня и кивнул мне: – Ты жди, значит. Мы скоро...

Артисты повалили к выходу. В передней «королева» сказала, что ей с Васькой давно пора обедать.

– После пообедаешь, – отрезал староста. – Нам рабочая сила нужна. Он знаешь какой здоровый? Вот такую собаку насмерть забодал.

Услышав эту фразу, я совсем расстроился, но было уже поздно: артисты ушли.

Я принялся слоняться по квартире. Я понимал, что следует привести в порядок комнату, попытаться хотя бы соскрести тесто с коня, а в первую очередь чего-нибудь перекусить, но от тревоги у меня ни к чему не лежали руки. То и дело я забирался на подоконник.

Наш дом был первым многоэтажным зданием, построенным в этом районе. Его со всех сторон обступили деревянные дома и домишки, окруженные многочисленными сарайчиками и клетушками. В одной из таких клетушек, наверное, и жил этот проклятый козел.

Прошло двадцать минут, потом полчаса. Артисты не возвращались. Я стал подумывать, что, пожалуй, не так уж легко протащить чужого козла в летний воскресный день по проходным дворам. Может, на мое счастье, артистов еще и застукают на месте преступления. Когда часы пробили три, у меня совсем отлегло от сердца и я направился на кухню разогревать себе обед.

– Леша! Леша! Открывай! – донесся в этот момент всполошенный Аглаин голос.

Остановившись на полдороге, я подбежал к окну, но во дворе уже никого не было. В отвратительном настроении побрел я в переднюю и открыл дверь. Артистов я не увидел. Я только услышал, что под моей площадкой идет приглушенная, но, как видно, отчаянная борьба. Там сопели, пыхтели, кряхтели и шаркали ногами. Временами кто-то яростно фыр-кал. Иногда что-то шмякалось не то об стену, не то об ступеньки.

– Рога! Рога держите! Рога не отпускайте! – хрипло шептали внизу.

– Ыть!.. Еще немного! Ыть! Еще разок!..

– Ой! У-юй!

– Тише! Услышат!

– Подымай ему ногу! Подымай ему ногу! Подымай ногу... Уп... Есть!

– Чего – есть?

– По губе копытом!

– Ыть! Еще разок! Ыть!.. Мне за штаны влетит. Ыть!.. Не починишь теперь.

Но вот на лестнице, ведущей к площадке, показалась куча рук, ног, стриженных затылков и растрепанных кос. Она шевелилась, судорожно дергалась и постепенно приближалась ко мне.

Полумертвый от страха, я отступил в переднюю, однако двери не закрыл. Вот куча артистов показалась на площадке. С минуту они трепыхались перед дверью, потом что-то случилось, и в переднюю разом влетели Дудкин с окровавленной губой, еще два артиста и козел. Он был черный с белыми пятнами. Одного глаза на белой половине морды у него не было, а глаз на черной половине был открыт и смотрел безумным взглядом, каким смотрит с картины Иван Грозный, убивший своего сына. На правом роге его, как чек в магазине, был наколот квадратный кусочек синей материи.

– Двери! – закричал мне Дудкин, устремляясь к выходу. – Закрывай все двери! А то пропадешь!

Козел повернулся, красиво встал на дыбы, Дудкин ойкнул и захлопнул за собой дверь. В следующий момент рога так треснули по ней, что сверху побелка посыпалась.

Я оцепенел. Секунд пять я не двигал ни рукой, ни ногой. Как сквозь вату, я услышал, что в дверь слабо застучали кулаком.

– Мальчик! Мальчик! – запищал тонкий девчачий голосок. – У него на роге мой карман от передника остался. Мальчик, у него на роге мой карман...

Мне, конечно, было не до кармана. Козел снова повернулся, опустил рога и мелкими шажками потопал ко мне. Я шмыгнул в комнату и запер дверь на крючок.

– Черта с два я на такого сяду! – донесся со двора голос Дудкина. – Я уж лучше на фанерном. Что мне, жизнь не дорога?

Я не расслышал, что ему ответили. Шумка, которая до сих пор лишь нервно тьякала в соседней комнате, вдруг закатилась отчаянным лаем. Я сунулся было туда и отскочил назад. Козел был уже в комнате родителей. Он проник туда через другую дверь, которую я не догадался закрыть. Он медленно вертелся, подставляя Шумке рога, а та, захлебываясь от ярости, прижимаясь грудью к полу, в свою очередь, вертелась вокруг козла и норовила схватить его за пятку. Крючка на двери в эту комнату не было. Я забаррикадировал ее тяжелым плюшевым креслом.

И началась катавасия! Лай, топот, фыркание постепенно удалились в кухню, причем там загремело что-то железное, потом шум битвы снова переместился в соседнюю комнату. Я был отрезан от всей квартиры. Я не мог взять из кухни продукты. Мне была недоступна даже уборная, куда я стремился всей душой. Ломая себе пальцы в тоске, я слонялся по комнате и думал о том, как же я открою артистам, когда они придут за козлом, и придут ли они вообще до спектакля, если Дудкин отказался на нем ездить.

Шумка была из тех собачонок, которых называют «заводными». Обычно стоило кому-нибудь пройти по лестнице мимо нашей квартиры, как она впадала в истерику минут на пять. Козел появился у нас примерно в четверть четвертого. Ровно в четыре в квартире продолжался все тот же тарарам, и Шумка даже не охрипла. Со двора уже давно доносились голоса:

– Безобразие какое!

– Это в двадцать второй!

И Шумка, как говорится, допрыгалась. Лай ее вдруг прервался, она громко икнула, а в следующий момент заверещала таким дурным, таким страшным голосом, что я подумал: «Все! Шумке конец».

– Эй! Двадцать вторая! Что вы там, с ума посходили? – закричали во дворе.

– Прекратите это хулиганство, слышите!

Сам не зная зачем, я подошел к окну. По ту сторону двора стоял двухэтажный бревенчатый дом. Из многих окон его выглядывали жильцы. Несколько мужчин и женщин стояли на крыльце и возле него, подняв головы к окнам нашей квартиры. Стоило мне показаться, как они накинудись на меня:

– Эй, малый! Это ты там безобразничаешь?

– У тебя совесть есть так собаку мучить?

– Мать с отцом уехали, он и распоясался!

В голове у меня звенело от Шумкиного визга, сердце измученно колотилось, но все же я еще разок попробовал показать свою самостоятельность. Печально глядя в окно, голосом слабым, как у тяжелобольного, я пролепетал:

– Вас... вас не касается. Я... я сам... я сам знаю, что делаю. Это наша квартира. И... и вас не касается.

Я отошел от окна. Шумка вдруг перестала верещать и затыкала где-то на кухне, визгливо, обиженно.

«Хам! Грубиян! – как бы говорила она, лежа, очевидно, под газовой плитой. – С тобой и дела-то иметь нельзя».

Потявкав немного, она успокоилась. В квартире наступила тишина. Я забрался с ногами на кровать, прижался спиной к стене и тоже затих. На противоположной стене висело зеркало, в котором маячило мое отражение. Никогда еще я не казался себе таким бледным, таким тощим. Я смотрел в зеркало и грустно думал о том, что у меня, наверное, будет рак. Я слышал, как взрослые говорили, что рак развивается на нервной почве и первым признаком его бывает исхудание.

Пробило половину пятого, но я уже не ждал артистов. Я понимал, что они не смогут взять у меня козла, когда во дворе столько народа.

В соседней комнате что-то полилось, потом из-под двери ко мне потекла лужа. Меня это уже не взволновало. Мне уже было все равно.

Потом то ли козел проголодался, то ли ему захотелось домой, но только он начал блеять. Он блеял настойчиво, требовательно, хриплым басом.

– Ишь какой зловерный мальчишка! – послышался со двора старушечий голос. – То собаку мучил, теперь козлом кричит. Все назло!

– Нет, тут что-то не то, – отозвался мужчина. – Разве мальчишка сможет так реветь? У него и голоса не хватит. Странное дело!

– Дядь Терентий! Дядь Терентий! – вдруг взволнованно крикнула какая-то девушка.

– А-я! – донеслось издалека.

– Ты козла ищешь? Поди-ка сюда! Это не твой орет?

Прошло несколько секунд молчания, потом со двора послышалось:

– Ага! Он и есть! Ах люди! Ну что за люди! Среда бела дня!

Дядя Терентий принялся кричать нам в окна, чтобы ему немедленно вернули козла и что он нам покажет, как скотину воровать. Я не отвечал. Собравшиеся во дворе успокаивали дядю Терентия, говорили, что тут, очевидно, какое-то недоразумение, что квартира принадлежит солидному человеку, подполковнику, который едва ли станет заниматься такими делами. Говорили также, что подполковника сейчас нет и что дома только его сынишка, то есть я.

– А мне шут с ним, кто там дома, кого нет. Мой козел, стало быть, отдай! – сказал дядя Терентий. – Верка! Стой здесь! Пойду участкового приведу.

Козел притих, словно понял, что освобождение близко. Я не боялся прихода милиционера, я был даже рад, что он придет, и думал только о том, как он попадет в квартиру. И вдруг у меня мелькнула такая мысль: козел сейчас в комнате родителей. Что, если я в одну секунду проскочу переднюю, во вторую секунду открою входную дверь... А там лестница, а там двор, а там люди, от которых мне попадет, но которые избавят меня от козла...

Я прислушался. В квартире было тихо. Я и не подозревал, что козел уже перебрался в переднюю и стоит у самой двери моей комнаты. Я на цыпочках подкрался к этой двери, тихонько снял с нее крючок, затем сразу распахнул ее и... чуть не напоролся животом на козлиные рога.

В следующий момент я был на середине комнаты. Козел направился ко мне. Я вскочил с ногами на подоконник. Козел подошел вплотную к подоконнику и, мотая головой, глядя на меня своим страшным глазом, хрипло заблеял. И тут я окончательно забыл про свою самостоятельность. Я отодвинулся почти к самому карнизу, свесил ноги наружу, поднял лицо к небу и заревел на весь двор, где уже собралось очень много народу.

Однако я недолго ревел. Вскоре еще больший ужас потряс меня так, что я и голос потерял.

Во двор вошли папа и мама. Они шли не под руку, как обычно, а на расстоянии метра друг от друга. Лицо у папы было красное и очень сердитое. Уже потом я узнал, что мама испортила папе все удовольствие от поездки, потому что все время беспокоилась за меня и говорила, что у нее какое-то тяжелое предчувствие. Они уехали от полковника Харитонova, даже не пообедав, и всю дорогу ссорились.

Папа был так рассержен, что даже не заметил толпы, которая глазела на мое окно.

Увидев меня, он остановился и почти закричал маме:

– На! Смотри! Целехонько твое сокровище, здоровехонько! И что вообще с ним могло случиться?

Не слушая папы, мама закричала мне, чтобы я лез обратно в комнату, что я могу свалиться. Но я не послушался.

– Дядя Терентий! Дядя Терентий! – сказали в это время в толпе. – Вот как раз товарищ подполковник. Вернулся!

Во двор вошел низенький, грязно одетый дядька с полуседой щетиной на лице, а с ним круглолицый, розовощекий милиционер. Тут папа впервые обратил внимание на толпу и как-то притих. Милиционер подошел к нему и отдал честь:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться!

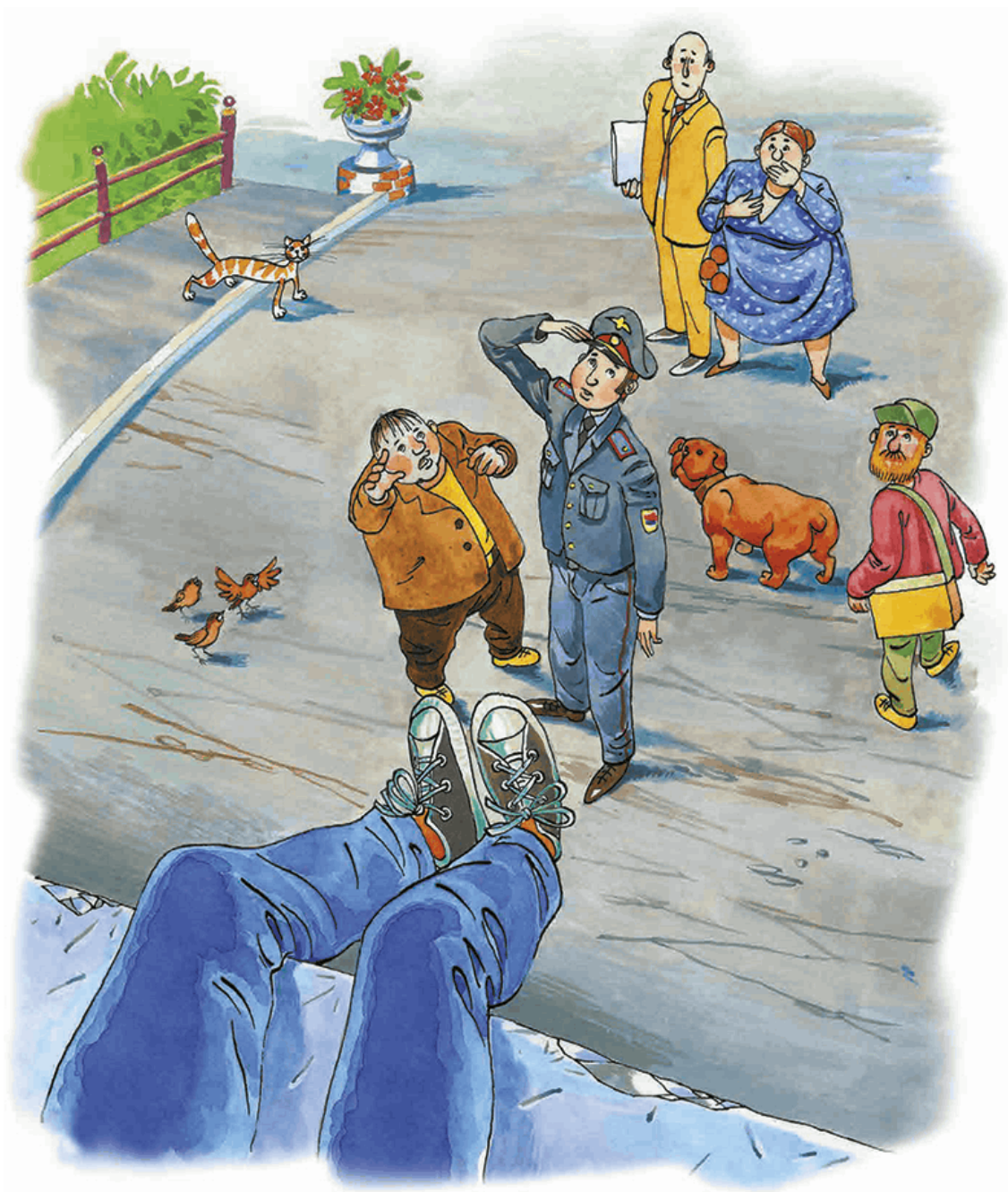
– Пожалуйста! Слушаю!

Милиционер смущенно улыбнулся:

– Не знаешь, как и начать... Короче, вот от гражданина поступило заявление, что у вас в квартире... ну, домашнее животное.

– Что за чушь? Какое животное?

– Козел, – пояснил милиционер, зачем-то понизив голос.

– Что-о?

– Козел, товарищ подполковник.

Папа вскинул голову. Глаза его сверкали.

– Алексей! В чем дело? Что там такое у тебя?

«Ме-е-е!» – закричал козел за моей спиной.

* * *

Что было дальше, рассказывать незачем, об этом каждый догадается. Скажу лишь одно: я много вынес в тот день, но самый тяжелый удар, удар в самое сердце, постиг меня на следующее утро.

Папа был на службе, мама ушла в магазин. Мне запретили выходить. Я лежал на подоконнике и смотрел во двор. Подо мной на лавочке сидели Аглая и другие театральные деятели. Вчерашний спектакль прошел у них успешно, несмотря на то что пришлось удовольствоваться фанерным козлом. За живого козла им, конечно, тоже нагорело, но они уже забыли об этом и обдумывали новую постановку.

– Валенки для партизан достанем, полушубки найдутся, – говорил Сеня Ласточкин. – А вот портупею, кобуру и полевую сумку – это надо поискать.

– Лешка достанет, – сказала Аглая. – У него отец военный.

– Какой Лешка! Из двадцать второй? – вмешался Дудкин. – Нет! Не достанет. Теперь ему отец ничего не даст.

– Лешка-то? У! Я ему скажу, что он самостоятельный, – он и без спроса возьмет. Я им как хочу, так и верчу.

Дрессировщики

В передней раздался короткий звонок. Бабушка вышла из кухни и открыла дверь. На площадке лестницы стоял мальчик, которого бабушка еще не видела. Он слегка поклонился и очень вежливо спросил:

– Извините, пожалуйста. Тут живет Гриша Уточкин?

– Ту-ут, – протянула бабушка, подозрительно оглядывая гостя.

Сам мальчик произвел на нее довольно приятное впечатление. Он был одет в тщательно отутюженные синие брюки и чистенькую желтую тенниску с короткими рукавчиками. На груди у него алел шелковый галстук, золотистые волосы его были аккуратно расчесаны на пробор.

При всем этом он держал под мышкой очень грязную и рваную ватную стеганку, а в другой его руке был зажат конец веревки, привязанной к ошейнику криволапой, неопределенной масти собаки с торчащей клочьями шерстью. Вот эта стеганка и эта собака заставили бабушку насторожиться.

– Скажите, а можно видеть Гришу?

– Мо-о-ожно, – после некоторого колебания протянула бабушка. Она хотела было сказать, что собак не следует водить в комнаты, что от них одна только грязь, но сдержалась и лишь добавила: – В ту дверь иди.

Однако мальчик не повел собаку в комнату, а строгим голосом сказал:

– Пальма, сидеть! Сидеть! Пальма, кому говорят? Сидеть!

Пальма зевнула и села с выражением безнадежной скуки на бородатой морде. Мальчик привязал конец веревки к перилам и только после этого постучал в указанную бабушкой дверь.

Гриша, коренастый, с копной темных взъерошенных волос и с суровым выражением лица, пилил в это время какую-то дощечку, прижав ее коленкой к сиденью стула. Он несколько удивился, узнав в пришельце Олега Волошина, с которым он учился в параллельных классах и с которым почти не был знаком. Гриша выпрямился и, заправляя рубашу в штаны, молча уставился на гостя.

– Здравствуй, Уточкин, – сказал тот, прикрыв за собой дверь. – Ты не удивляйся, что я к тебе пришел. У меня к тебе одна просьба.

– Ну? – коротко спросил Гриша.

– Ты мог бы помочь мне дрессировать собаку?

Гриша всегда был готов взяться за любое дело, но говорить много не любил:

– Мог бы. А как?

– Понимаешь, я ее дрессирую на собаку охранно-сторожевой службы. Я уже научил ее ходить рядом, садиться по команде, ложиться... Теперь я с ней отрабатываю команду «фас»... Чтобы она бросалась, на кого я прикажу. А для этого нужен ассистент, совсем незнакомый для собаки человек.

– Чтобы она на него бросалась?

– Ага. Мы ее уже дрессировали с ребятами нашего класса, и она очень хорошо на них бросалась, но теперь она с ними перезнакомилась и больше не бросается. А надо закрепить рефлекс. Вот я тебя и прошу...

Гриша в раздумье почесал широкий нос:

– А если покусает?

– Во-первых, я ее буду держать на поводке, а во-вторых, ассистент надевает защитную спецодежду. – Олег развернул стеганку и вынул из нее такие же драные ватные штаны. – Со мной все мальчишки из нашего класса ее дрессировали, а она только Сережку Лаптева немножко укусила. Согласен?

– Согласен. А где твоя собака?

– Я ее на лестнице оставил, чтобы она не знала, что мы с тобой знакомы. Я сейчас выйду с ней и буду ждать тебя на Тихой улице. А ты надевай спецодежду, приходи туда и подкрадывайся к Пальме, как будто злоумышленник. Ладно?

– Ладно. Иди!

Олег удалился. Гриша надел кепку и принялся облачаться в спецовку. Это оказалось делом нелегким, потому что брюки были огромных размеров. Стянув их ремнем под мышками и завязав тесемочками у щиколоток, Гриша стал похож на очень большую, диковинной формы гармошку. Ватная куртка, которую он надел, несколько поправила дело: свисая ниже колен, она почти совсем скрыла брюки. Рукава, болтавшиеся сантиметров на двадцать ниже кистей рук, Гриша засучивать не стал.

Грише, конечно, не хотелось, чтобы бабушка увидела его в таком костюме, поэтому, прежде чем выйти из комнаты, он приоткрыл дверь и прислушался, а потом уж выскользнул из квартиры.

Улица Тихая была и в самом деле очень тихой улочкой. Здесь вдоль тротуаров вкривь и вкось росли старые липы, за которыми прятались маленькие домики в один и два этажа. Движение тут было такое небольшое, что между булыжниками мостовой зеленела травка.

Придя сюда, Гриша издали увидел Олега, который расхаживал по мостовой, громко приговаривая:

– Рядом! Пальма, рядом!

– Эй! – негромко крикнул «ассистент».

Дрессировщик остановился, скомандовал Пальме сидеть и кивнул Грише головой: можно, мол, начинать.

Ассистент надвинул на нос кепку, свирепо выпятил нижнюю челюсть и, слегка приседая, болтая концами рукавов, зигзагами стал подбираться к собаке.

Пальма заметила ассистента и, сидя, принялась разглядывать его, склоняя бородатую морду то вправо, то влево. Когда Гриша приблизился к ней метров на десять, она поднялась и негромко зарычала.

– Пальма! Фу! Сидеть! – сказал Олег.

И Пальма неохотно села, продолжая скалить зубы.

Ассистент стал на четвереньки и тоже зарычал.

– Фас! – крикнул Олег.

Пальма рывкнула и так стремительно бросилась на Гришу, что дрессировщик еле удержал ее за веревку.

Гриша вскочил и шарахнулся в сторону.

– Видал? – тихонько сказал Олег.

– Ага, – так же тихо ответил Гриша. – Только она и без твоего «фаса» бросилась бы... Ведь я ее дразнил.

– Теперь знаешь что? Теперь давай без дразнений. Ты спрячешься за угол, а потом выйди и спокойно иди по тротуару. И даже не смотри в нашу сторону. Ладно?

– Ладно!

Гриша добежал до перекрестка, спрятался за угол и, подождав там минуту, степенно зашагал по противоположному от Олега тротуару. Вот он поравнялся с ними... Вот прошел мимо...

– Фас!

«Рррав! Рав-рав!»

Обернувшись, Гриша увидел, как Пальма, натягивая веревку, рвется к нему.

– Здорово! – сказал Олег с другого тротуара. – Всё! Спасибо! Проверка сделана. Снимай спецодежду и иди сюда.

Гриша снял ватник и, отирая пот со лба, приблизился к дрессировщику. Пальма попыталась цапнуть его за ногу, но Олег прикрикнул на нее и заставил сесть. Он улыбался, голубые глаза его блестели, а лицо разгорелось.

– Видел? Видел, что такое дрессировка? Ты даже не взглянул на нее, а она уже бросилась!

Стоя несколько поодаль от Пальмы, Гриша ковырял в носу.

– Ну и что ж, что бросилась! Я ее дразнил, она меня запомнила, вот и бросилась. И в такой одежде она на каждого бросится. Вот если бы она на ту тетеньку бросилась, тогда другое дело было бы! – И Гриша указал глазами на полную гражданку, которая вразвалочку шла по противоположному тротуару, держа в руке сумку с продуктами.

Олег перестал улыбаться и тоже посмотрел на гражданку. Когда она прошла мимо, он присел рядом с Пальмой и, вытянув руку в направлении прохожей, тихонько скомандовал:

– Пальма, фас!

В ту же секунду раздался звонкий лай, и веревка дернула Олега за руку.

– Пальма, фу! – Олег с торжеством обратился к Грише: – Ну что, а? Ну что, видел?

Только теперь Гриша уверовал в силу дрессировки. Держа под мышкой свою лохматую спецодежду, он присел на корточки перед Пальмой и стал разглядывать ее.

– Это какая порода? Дворняжка?

– В том-то и дело, что обыкновенная дворняжка!

– Если бы овчарка, она еще лучше бросилась бы, – заметил Гриша.

– А я, ты думаешь, для чего ее дрессирую? Я выучу ее, пойду в питомник, где служебных собак разводят, покажу, как я умею дрессировать, и мне дадут на воспитание щенка-овчарку.

Гриша поднялся. Он все еще смотрел на Пальму.

– Наверняка дадут? – спросил он.

– Не совсем наверняка, а просто я так думаю.

– А у нас в городе есть... эти самые... где овчарок разводят?

– Питомники? Конечно, есть... При ДОСААФе есть, при Управлении милиции есть... Я в ДОСААФ пойду. Вот только отработаю с ней лестницу, барьер и выдержку и пойду показывать.

– А что такое лестница, барьер и выдержка?

– Лестница – это чтобы она умела подниматься и спускаться по приставной лестнице. Барьер – это чтобы она умела преодолевать заборы, а выдержка – это так: я, например, командую ей сидеть, потом уйду куда-нибудь, хотя бы на полчаса, и она не сойдет с места до тех пор, пока я не вернусь.

До сих пор Гриша мало был знаком со служебным собаководством. Он слышал, что есть собаки-ищейки, раза два он видел в кино замечательно умных овчарок, совершавших подвиги вместе с пограничниками. Но всегда ему казалось, что воспитание подобных собак доступно лишь особым специалистам.

И вот теперь он увидел, что не специалист, а простой школьник заставляет не овчарку, а самую паршивенькую дворняжку по команде садиться, по команде ходить рядом, по команде бросаться на прохожих.

С виду флегматичный, угрюмый, Гриша был человеком страстным, увлекающимся. Он представлял себе, как идет рядом с огромной овчаркой, от которой все шарахаются в стороны, как он приходит с ней в школу и как на глазах у изумленных ребят этот свирепый, клыкастый зверь по одному его, Гришину, слову перебирается через забор, поднимается по приставной лестнице на чердак сарая и спокойно, не сходя с места, сидит во дворе, пока Гриша занимается в классе.

– Волошин, а где ты научился... это самое... дрессировать?

– Очень просто. Купил себе в магазине книжку, «Служебное собаководство» называется, по ней и научился.

– Я себе тоже такую куплю. С собаками вот плохо... Я бы мог какую-никакую дворняжку поймать, только бабушка прогонит.

Ребята долго беседовали, стоя на краю тротуара. Олег показал Грише все штуки, какие умела проделывать Пальма. Гриша был так увлечен этим, что только раз оглянулся, услышав в отдалении неторопливые, четкие шаги. По противоположному тротуару шел милиционер – высокий, стройный, подтянутый, с лейтенантскими погонами. Заложив большие пальцы рук за поясной ремень, он поглядывал на ребят, возившихся со смешной собакой, и улыбался. Олег тоже заметил милиционера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.